

СИБРУК. ЛЮБОВЬ У ОКЕАНА

— Книга 1 —

БЕЗРАССУДНЫЙ ВЫБОР

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Безрассудный выбор

<https://litres.ru/74194137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лейн приехала всего на несколько дней. Продать дом бабушки, подписать документы и вернуться в Бостон, к карьере, планам и жизни, которую она строила годами. Но старый дом у океана оказался не просто наследством. В его комнатах ждали воспоминания, недосказанные письма, бабушкины подсказки и город, который слишком хорошо умел замечать чужие тайны.

А еще был Коув. Молчаливый мастер с руками, пахнущими деревом и солью, с прошлым, о котором он не любил говорить, и с редким талантом быть рядом, не требуя ничего взамен. Он не просил Лейн остаться. Не убеждал. Просто видел ее настоящую, даже когда она сама еще пыталась спрятаться за списками, сроками и разумными решениями.

Лейн всегда знала, какой выбор считается правильным.

Но иногда правильная жизнь оказывается не той, которую ты когда-то запланировала.

«Безрассудный выбор» - первая книга серии «Сибрук. Любовь у океана»: атмосферный роман о маленьком городе, доме у воды, взрослом чувстве и женщине, которая впервые решила выбрать себя.

Содержание

Глава 1. Дорога назад	4
Глава 2. Дом у воды	12
Глава 3. Плохая идея	28
Глава 4. Все всё знают	38
Глава 5. Почти свидание	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эдди Слоан

Безрассудный выбор

Глава 1. Дорога назад

Дождь начался за двадцать три минуты до знака «Добро пожаловать в Сибрук».

Лейн знала это точно, потому что записала.

Не на бумаге.

В заметках телефона.

Привычка, от которой она так и не смогла избавиться.

Она записывала всё.

Рейсы.

Дедлайны.

Идеи.

Списки покупок.

Причины не писать людям.

Причины уходить от людей.

В какой-то момент она начала фиксировать свою жизнь вместо того, чтобы жить.

Дождь усилился.

Дворники работали всё отчаяннее.

Арендованная машина, наоборот, всё хуже.

На панели вспыхнул предупреждающий значок.

Лейн бросила на него взгляд.

Потом снова посмотрела на дорогу.

«Нет».

Машину тряхнуло.

«Нет».

Двигатель кашлянул.

«Даже не думай».

Сквозь дождевую пелену показался океан.

Серая вода. Серое небо.

Серые воспоминания.

Двигатель заглох.

Руль вдруг стал тяжелым.

Машина докатилась до обочины.

И остановилась.

Тишина.

Несколько секунд Лейн просто сидела на месте.

Дождь стучал по крыше.

В салон через вентиляцию тянуло солью.

Где-то за деревьями Атлантика разбивалась о скалы, по которым она лазила все летние каникулы в детстве.

Три года.

Столько она избегала Сибрука.

Три года после похорон.

Три года с того дня, как закрыла входную дверь бабушкиного дома и пообещала себе больше никогда сюда не возвращаться.

И вот она снова здесь.

Потому что жизнь обожала иронию.

План был простой.

Продать дом.

Подписать документы.

Провести неделю, делая вид, что это место ничего не значит.

Вернуться в Бостон.

Двигаться дальше.

Простые планы, судя по всему, в Сибруке не приветствовались.

В зеркале заднего вида появился пикап.

Темно-синий.

Большой.

Неприлично уверенный в себе.

Пикап притормозил.

Остановился позади нее.

Из него вышел мужчина.

Высокий.

Широкие плечи.

Темные волосы, мокрые от дождя.

Рабочие ботинки.

Закатанные рукава.

Из тех мужчин, которые на вид умели чинить моторы, крыши, сломанные причалы и, возможно, сомнительные жизненные решения.

Это сразу ее раздражало.

Он подошел к водительскому окну.

Лейн опустила стекло наполовину.

Внутри ворвался дождь.

«Проблемы с машиной?»

Голос у него был низкий и спокойный.

Слишком спокойный.

Она посмотрела на мертвую приборную панель.

Потом на него.

«Нет. Просто решила, что это отличное место, чтобы остановиться во время шторма».

Уголок его рта дрогнул.

Не улыбка.

Что-то опаснее.

Насмешливое веселье.

«Хороший выбор».

Лейн вздохнула.

«Да. Проблемы с машиной».

«Что случилось?»

«Если бы я знала, я бы уже ехала».

Эта почти-улыбка появилась снова.

Определенно раздражала.

Мужчина взглянул на приборную панель.

Потом на капот.

Потом снова на нее.

«Могу посмотреть».

Лейн посмотрела на дождь.

На него.

На пустую дорогу.

«У меня есть другой вариант?»

«Быстрый? Нет».

Прекрасно.

Мужчина отошел.

Через минуту капот был открыт.

Дождь пропитал его рубашку.

Кажется, ему было всё равно.

Лейн наблюдала из машины.

Ветер с океана гнул деревья.

Город ждал где-то впереди.

Тот самый город, о котором она годами старалась не думать.

Тот самый город, который до сих пор появлялся во снах, в которых она никогда не признавалась.

Мужчина опустил капот.

Ничего хорошего в этом жесте не было.

Он вернулся к окну.

«Сегодня она никуда не поедет».

Лейн закрыла глаза.

«Великолепно».

«Нужен эвакуатор».

Конечно.

Она на секунду уткнулась лбом в руль.

Одна неделя.

Вот и всё, что ей было нужно.

Одна неделя.

Дом.

Документы.

Готово.

Мужчина терпеливо ждал.

Так, будто люди, застрявшие на обочине под дождем, были здесь обычным местным явлением.

Возможно, так и было.

Наконец Лейн выпрямилась.

«Ладно».

«Я могу вызвать эвакуатор».

«А потом?»

«У меня есть пикап».

«Я заметила».

Снова эта почти-улыбка.

Она начинала ее недолюбливать.

Мужчина кивнул в сторону дороги.

«Куда вам нужно?»

Лейн помедлила.

Потом назвала адрес.

Впервые его лицо изменилось.

Веселье исчезло.

Спокойствие осталось.

Но за ним появилось что-то еще.

Узнавание.

Он знал этот дом.

В животе неприятно сжалось.

Дождь продолжал идти.

Океан дышал за деревьями.

Несколько секунд они оба молчали.

Потом мужчина посмотрел на дорогу, ведущую в город.

Когда он заговорил снова, голос стал другим.

Осторожнее.

Серьезнее.

«Вы там остановитесь?»

«Такой план».

Пауза.

На этот раз длиннее.

«Что?»

Мужчина посмотрел на нее.

Потом будто снова услышал адрес, который она только что назвала.

Наконец он сказал:

«Я знал вашу бабушку».

Лейн замерла.

Дождь вдруг зазвучал громче.

«Правда?»

Он встретил ее взгляд.

«Да».

Прошла секунда.

Потом еще одна.

«Какой она была?»

Впервые с тех пор, как он вышел из пикапа, он улыбнулся по-настоящему.

Слабо.

Неожиданно.

Почти грустно.

«Упрямой».

Лейн рассмеялась, не успев себя остановить.

«Похоже на нее».

Улыбка исчезла с его лица.

«А вот продажа этого дома на нее не похожа».

Слова ударили сильнее, чем должны были.

Лейн уставилась на него.

«Что это значит?»

Мужчина посмотрел в сторону Сибрука.

На океан.

На дорогу, которая ждала впереди.

Потом снова на нее.

«Это значит, что у этого города сейчас появится мнение».

И почему-то это показалось куда опаснее, чем сломанная машина.

Глава 2. Дом у воды

Лейн успела забыть, каким бесстыдно красивым может быть Сибрук.

Это было нечестно.

Город мог бы хотя бы из вежливости стать некрасивым, пока ее не было.

Но нет.

Через двадцать минут после знакомства с самым раздражающим мужчиной на Атлантическом побережье Лейн сидела в его пикапе, а океан то появлялся, то исчезал между рядами старых прибрежных домов.

Пекарня всё еще стояла на углу.

Белая церковь всё еще смотрела на гавань.

Книжный магазин всё еще занимал синее здание возле пирса.

На каждом втором фонарном столбе висели цветочные корзины, будто город однажды коллективно решил стать открыткой и ни за что не извиняться.

Ничего не изменилось.

Кроме нее.

И, возможно, именно в этом была проблема.

Коув вел машину одной рукой, свободно положив ладонь на руль.

Он был не из разговорчивых.

Лейн пока не понимала, приятно это или раздражает.

Возможно, и то и другое.

Молчание тянулось.

Потом тянулось еще дольше.

Наконец она открыла заметки в телефоне.

Привычка.

Болезнь.

Черта характера с отличной организацией.

НОВЫЙ СПИСОК

Почему эта поездка пройдет нормально

Продать дом.

Подписать документы.

Уехать.

Избегать эмоционально заряженных разговоров.

Избегать красивых мастеров.

Она посмотрела на пятый пункт.

Потом стерла слово «красивых».

И написала: «раздражающе компетентных».

Коув бросил на нее взгляд.

«Что?»

«Ничего».

«У тебя было лицо».

«У меня много лиц».

«Это было лицо списка».

Лейн замерла.

«У меня нет лица списка».

«Есть».

«Нет».

«Это точно было оно».

Она отвернулась к окну.

«Веди свой пикап».

Снова появилась эта почти-улыбка.

Та самая, которую она уже решила не любить.

Пикап свернул на узкую дорогу.

Деревья сомкнулись ближе.

Океан приблизился.

И вот он появился.

Дом.

Живот у Лейн провалился так резко, что это почти стало физическим ощущением.

Старый серый дом стоял в конце дорожки лицом к воде, словно все три года отказывался отводить взгляд.

Круговая веранда.

Белые перила.

Голубые ставни.

Гортензии, разросшиеся вдоль забора.

На одно невозможное мгновение ей снова стало двенадцать.

Босые ноги на теплых досках веранды.

Черничный пирог остывает у кухонного окна.

Бабушка кричит:

«Не бегай по этим ступенькам, Лейн. Сделай хотя бы вид,

что у тебя есть кости».

Воспоминание ударило сильно.

Слишком сильно.

Лейн первой отвела взгляд.

Коув остановился у ворот, но не сразу вышел из машины.

«Всё еще хорошо выглядит».

Голос у него изменился.

Стал мягче.

Лейн сглотнула.

«Ему нужен ремонт».

«Всем нужен».

Она возненавидела то, как быстро он ответил.

Словно всю жизнь верил, что вещи можно починить, если кому-то не лень испачкать руки.

Лейн открыла дверь, пока молчание не стало опасным.

В воздухе пахло солью, мокрым деревом и летом, которому она не разрешала возвращаться.

Калитка скрипнула.

Тот самый скрип.

Абсолютно тот же самый скрип.

Табличка «Продается» неловко стояла у ступенек веранды.

Даже с подъездной дорожки она выглядела неправильно.

Как чужой человек в бабушкином пальто.

Коув проследил за ее взглядом.

«Это вы поставили?»

«Риелтор».

«Хм».

В этом одном звуке было достаточно осуждения, чтобы выйти в море на рыбацкой лодке и объявить войну.

Лейн повернулась к нему.

«Если хочешь что-то сказать, говори».

«Не хочу».

«Хочешь».

Он пожал плечами.

«Ты здесь три минуты».

«И?»

«Рекорд города».

Она рассмеялась раньше, чем успела себя остановить.

Звук удивил их обоих.

Он не подходил этой подъездной дорожке.

Пока нет.

Коув посмотрел на веранду.

«Я могу заехать завтра».

«Из-за ремонта?»

«Да».

«В восемь?»

«В восемь».

«В восемь утра?»

«Обычно восемь именно тогда и бывает».

«Это преступление».

«Тогда привезу кофе».

Это не должно было ничего смягчать.

Но смягчило.

Лейн открыла входную дверь раньше, чем лицо успело ее выдать.

Ключ застрял точно так же, как раньше.

Нужно было приподнять ручку, повернуть один раз, а потом толкнуть дверь бедром.

Дверь открылась.

Запах хлынул наружу.

Старое дерево.

Морской воздух.

Пыль.

Лавандовое мыло.

Дом.

Нет.

Не дом.

Недвижимость.

Актив.

Сложный актив с сентиментальной влажностью.

Она вошла.

Пол скрипнул под ее туфлями.

Столик у входа всё еще стоял у стены.

Зеркало над ним помутнело по краям.

Соломенная шляпа висела на том же крючке, куда бабушка оставляла ее после работы в саду.

У Лейн сжалось горло.

Она пошла быстрее, будто скорость могла обогнать горе.
Гостиная.
Накрытая мебель.
Белые простыни.
Книжные полки.
Выцветший ковер.
Синее кресло у окна.
Бабушкино кресло.
Всё еще повернуто к воде.
Всё еще ждет.
Лейн посмотрела в телефон.

НОВЫЙ СПИСОК

Что нужно сделать
Не плакать перед Коувом.
Найти документы.
Проверить крышу.
Продать дом.
Уехать до того, как дом обзаведется характером.
Слишком поздно.
Характер у дома уже был.
Позади нее Коув вошел внутрь.
Он ничего не сказал.

Просто стоял тихо и смотрел на комнату с таким уважением, что Лейн это совершенно иррационально разозлило.
Вот почему она не приезжала.
Потому что горе проще, когда оно остается теоретиче-

ским.

Потому что старые дома опасны.

Они помнят тебя до того, как ты научилась притворяться.

Со стороны кухни донесся тихий металлический стук.

Лейн напряглась.

«Что это было?»

«Скорее всего, оконная защелка».

«Ты звучишь слишком спокойно».

«Я здесь живу».

«Не в этом доме».

«В Сибруке».

«Это должно объяснить всё?»

«Обычно объясняет».

Он прошел мимо нее на кухню.

Она пошла следом, потому что не собиралась быть женщиной, которая остается в комнате только потому, что дом издает звуки.

Кухня оказалась меньше, чем она помнила.

Или, может быть, тогда она сама была меньше.

Желтые шкафчики.

Белая плитка.

Круглый стол у окна.

А на холодильнике, под выцветшим магнитом в форме лобстера, висел листок бумаги.

Лейн остановилась.

Края бумаги пожелтели.

Сверху наклонным бабушкиным почерком было написано:
но:

ЛЕТНИЙ СПИСОК

Покрасить веранду.

Купить лимоны.

Починить заднюю ступеньку.

Позвонить Лейн.

Все пункты были вычеркнуты.

Кроме последнего.

Позвонить Лейн.

Лейн смотрела на листок.

Комната замолчала.

Даже дождь за окнами будто стал тише.

Она не помнила, как дышать.

Коув тоже увидел.

Конечно увидел.

Такие мужчины, наверное, замечали трещины в стенах, ржавчину на петлях и грусть на холодильниках.

Лейн потянулась к листку, но остановилась, не коснувшись его.

Бабушка написала этот список много лет назад.

Может быть, за несколько недель до похорон.

Может быть, за несколько дней.

Позвонить Лейн.

Не вычеркнуто.

Не закончено.

Не сделано.

В груди заболело.

Глупость.

Это был листок бумаги.

Список.

Она любила списки.

Она выживала благодаря спискам.

И теперь один из них пытался разрушить ей жизнь.

«Лейн».

Коув произнес ее имя тихо.

Не мягко.

Не с жалостью.

Просто тихо.

Почему-то от этого стало хуже.

Она быстро моргнула и повернулась к раковине.

«Я в порядке».

«Я не спрашивал».

«Хорошо».

«Тебе можно быть не в порядке».

Она слишком резко обернулась.

«Ты всегда такой эмоционально неудобный с незнакомыми людьми?»

«Нет».

«Особое отношение?»

«Что-то вроде того».

Воздух снова изменился.

Не романтически.

Опаснее.

Ближе.

Словно он подошел слишком близко к синяку, в существовании которого она сама не признавалась.

На подъездную дорожку въехала машина.

Лейн выдохнула.

Спасена недвижимостью.

У дома остановился серебристый внедорожник, и Тео буквально вылетел с водительского сиденья, не дождавшись, пока мотор окончательно заглохнет.

«Лейн!»

Через несколько секунд он появился в дверях: загорелый, безупречно ухоженный и с папкой такой толщины, что ей самой требовалась эмоциональная поддержка.

Он обнял ее раньше, чем она успела защититься.

«Ты вернулась».

«Временно».

Тео это проигнорировал.

В Сибруке люди часто игнорировали факты, которые им не нравились.

Его взгляд перешел на Коува.

Потом на Лейн.

Потом снова на Коува.

Интерес загорелся на его лице так, будто кто-то распахнул шторы.

Лейн указала на него пальцем.

«Нет».

Тео моргнул.

«Что?»

«Это лицо».

«У меня нет лица».

«У тебя лицо слухов».

«Нет».

Коув оперся о кухонную стойку, слишком удобно устроившись в доме, который ему не принадлежал.

«Есть».

Лейн посмотрела на него.

«Не помогай ему».

«Я не помогаю. Я подтверждаю».

Тео прижал ладонь к груди.

«Видишь? Мы с Коувом согласны. Исторический день».

Лейн закрыла глаза.

«Ненавижу это место».

«Нет, не ненавидишь», радостно сказал Тео.

«Не начинай».

«Я еще не начал. Начать означало бы сказать, что половина города уже знает, что ты вернулась».

Лейн открыла глаза.

«Что?»

Тео внезапно очень заинтересовался своей папкой.

«Лейн».

«Что ты сделал?»

«Я просто упомянул Айрис, что ты приезжаешь».

«Айрис владеет кафе «Дрифт»».

«Верно».

«Значит, город знает».

«Часть города».

«Какая часть?»

Тео поморщился.

«Дай определение слову “город”».

Коув издал тихий звук, который мог быть смешком.

Лейн повернулась к нему.

«Тебе это нравится».

«Немного».

«Отлично. Чудесно. Просто прекрасно».

Тео хлопнул папкой по ладони.

«А теперь, пока вы оба тут не дофлиртовались до повреждения несущих конструкций, давайте обсудим дом».

«Мы не флиртуем».

Коув ничего не сказал.

Предатель.

Тео прошел в гостиную и огляделся.

Его веселое выражение смягчилось.

«Твоя бабушка любила это место».

Лейн скрестила руки на груди.

«Я знаю».

«Многие его любили».

«Любили?»

«Любят».

Это слово осело в комнате.

Коув чуть выпрямился.

Лейн заметила.

Тео заметил, что она заметила.

Конечно.

Риелторы получали комиссию деньгами и подтекстом.

Лейн подняла подбородок.

«Я продаю дом».

Тео кивнул слишком быстро.

«Да. Поэтому мы здесь».

«Но?»

«Никакого “но”».

«Тео».

Он вздохнул.

«Ладно. Но ты должна знать: продажа этого дома не пройдет тихо».

Лейн нахмурилась.

«Это дом, а не маяк».

«Это ее дом».

Ее.

Не дом твоей бабушки.

Ее.

Будто каждый в Сибруке всё еще претендовал на кусочек женщины, которую Лейн потеряла.

Через открытую дверь Коув посмотрел на табличку «Продается», всё ещё стоявшую у ступенек веранды.

Он смотрел на неё так, словно она лично его оскорбила.

Лейн вдруг почувствовала, что её окружили.

Дом.

Город.

Мужчина, который чинил вещи.

И мужчина, который прятал правду под обаянием.

Она снова открыла заметки.

НОВЫЙ СПИСОК

Причины уехать быстрее

Машина умерла.

У дома есть эмоциональное оружие.

Риелтор подозрителен.

Мастер ещё хуже.

У города есть мнение.

Она посмотрела на пятый пункт.

Потом подняла глаза.

Тео смотрел на неё.

Коув смотрел на дом.

Снаружи дождь стекал по окнам, превращая океан в размытое пятно.

Лейн приехала продать недвижимость.

Только и всего.

Сделка.

Подпись.

Неделя.

Но невычеркнутая строка на холодильнике продолжала светиться у нее в голове.

Позвонить Лейн.

И впервые с возвращения в Сибрук Лейн подумала: может быть, дом вовсе не ждал, когда его продадут.

Может быть, он ждал, чтобы спросить, почему она так и не вернулась.

Глава 3. Плохая идея

Лейн проснулась в 6:17 утра.

Не потому, что хотела.

А потому что у старых домов было мнение.

В 5:43 что-то скрипнуло наверху.

В 6:02 застонала труба.

В 6:11 чайка, судя по всему, приземлилась за окном спальни и начала объявлять рассвет всему Атлантическому побережью.

К 6:17 Лейн уже не спала.

К 6:18 она пила кофе из кружки с надписью:

ЛЕТНИЙ ФЕСТИВАЛЬ СИБРУКА 2011

К 6:19 она смотрела на океан и делала вид, что ей здесь не нравится.

Океан ее игнорировал.

Океан всегда был грубым.

Телефон завибрировал.

Тео.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ.

Следующее сообщение пришло сразу.

ПОЛГОРОДА ЗНАЕТ, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛАСЬ.

Потом еще одно:

АЙРИС ПЕЧЕТ МАФФИНЫ.

ВОТ ТАК И НАЧИНАЮТСЯ СЛУХИ.

Лейн уронила лоб на стол.

Зазвонил дверной звонок.

Она посмотрела на часы.

7:59.

Конечно.

Никто не должен быть настолько пунктуальным.

Никто.

Она открыла дверь.

Коув стоял на веранде с двумя стаканами кофе.

Утренний свет располагался за его спиной.

Раздражающе кинематографично.

«Ты рано».

«Сейчас 7:59».

«Вот именно».

«Это не рано».

«В любом цивилизованном обществе это рано».

Он протянул ей кофе.

«Хорошо, что мы не в таком».

Лейн взяла стакан.

Кофе пах великолепно.

Это тоже раздражало.

Коув вошел внутрь с ящиком для инструментов.

Настоящим ящиком.

Тяжелым.

Поцарапанным.

Использованным.

Не декоративным.

Он один раз огляделся.

Потом указал на потолок.

«Крыша».

«И тебе доброе утро».

«К концу недели будет непогода».

«Конечно будет».

«Крышу надо проверить до того, как она придет».

«Ты переживаешь из-за погоды, которая еще даже не пришла?»

«У меня есть собственность».

Она возненавидела этот ответ.

В основном потому, что понимала его.

Через двадцать минут они уже стояли на лестницах.

Судя по всему, на языке Коува «осмотр крыши» означал: «работают все».

Лейн держала фонарик.

Очень важный фонарик.

Возможно, самый важный фонарик в Америке.

По крайней мере, по версии Коува.

«Левее».

Она подвинула свет вправо.

«В другую левую сторону».

Она сверкнула глазами.

«Знаешь, нормальные люди говорят спасибо».

«Ты светила себе в лицо».

«Я кое-что проверяла».

«Ты ослепляла себя».

Лейн направила фонарик прямо ему в глаза.

Коув моргнул.

Потом рассмеялся.

По-настоящему рассмеялся.

Этот звук удивил их обоих.

На одно странное мгновение чердак стал меньше.

Теплее.

Опаснее.

Лейн первой отвела взгляд.

Так было разумнее.

На чердаке пахло старым деревом и летним теплом.

Пыль плавала в лучах солнца.

Коув осторожно двигался по балкам.

Уверенный.

Сосредоточенный.

Раздражающе компетентный.

Он остановился у дальней стены.

«Лейн».

«Что теперь?»

«Та доска повреждена».

«Ее можно починить?»

«Починить можно всё».

Ответ прозвучал мгновенно.

Как дыхание.

Как правда.

Что-то в нем зацепилось внутри.

А потом она увидела коробку.

ЛЕЙН.

Написано черным маркером.

Всё остальное исчезло.

Чердак.

Океан.

Дом.

Мужчина.

Коробка стала всей комнатой.

Коув проследил за ее взглядом.

«Достать?»

«Нет».

Пауза.

«Да».

Еще одна пауза.

«Определенно да».

Он пересек чердак и снял коробку.

Потом отступил.

Дал ей пространство.

Снова.

Всегда это.

Лейн не понимала, почему это так на нее действует.

Она открыла коробку.

Фотографии.

Браслеты из летнего лагеря.
Открытки ко дню рождения.
Школьные поделки.

Блокнот.

Письмо.

Потом еще одно.

Потом сложенный пополам лист бумаги.

Бабушкин почерк.

НА ТОТ СЛУЧАЙ, КОГДА ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ.

Слова ударили сильнее, чем должны были.

В груди сжалось.

На другом конце чердака Коув отвернулся.

Делал вид, что не смотрит.

Делал вид, что не замечает.

И почему-то это было добрее сочувствия.

Лейн быстро закрыла блокнот.

Не сейчас.

Она не могла сделать это сейчас.

Не когда он стоял рядом.

Не когда солнце лилось через окна чердака.

Не обычным утром.

К некоторым видам горя нужна подготовка.

Снаружи хлопнула дверца машины.

Потом еще одна.

С подъездной дорожки донеслись голоса.

Коув подошел к чердачному окну.

Посмотрел вниз.

Его лицо изменилось мгновенно.

«О нет».

Лейн подняла глаза.

«Что?»

Он не ответил сразу.

Уже это насторожило.

«Что?»

«Комитет по встрече».

«Что за комитет?»

Внизу на подъездную дорожку въехала еще одна машина.

Потом еще одна.

Лейн подошла к окну.

Три женщины.

Потом пять.

Потом семь.

Одна несла цветы.

Одна несла маффины.

Одна несла столько любопытства, что им можно было бы запитать небольшую страну.

«О боже».

«Да».

«Почему их так много?»

«Они ходят группами».

«Кто?»

«Пенсионерки Сибрука».

Лейн уставилась вниз.

Одна из женщин помахала ей рукой.

С чердака.

Как она вообще их увидела?

«Они знают, что я здесь?»

Коув посмотрел на нее.

«Лейн».

«Что?»

«Половина города знает, если кто-то покупает новый почтовый ящик».

Это звучало ужасно.

Снаружи послышался сигнал.

На подъездную дорожку въехал внедорожник Тео.

Конечно.

Тео вышел из машины.

Одна из женщин тут же схватила его за руку и начала задавать вопросы.

Он указал на дом.

Прямо на чердак.

Предатель.

Коув сложил руки на груди.

Движение было маленьким.

Но что-то в его лице чуть охладело.

Совсем немного.

Лейн заметила.

«Что это за взгляд?»

«Какой взгляд?»

«Вот этот».

«Никакого взгляда».

Она прищурилась.

«Ты раздражен».

«Нет».

«Да».

Коув снова посмотрел в окно.

«Тео слишком много говорит».

Интересно.

Очень интересно.

Прежде чем она успела спросить что-то еще, внизу зазвонил дверной звонок.

Потом еще раз.

И еще.

Нетерпеливо.

Настойчиво.

По-маленькогогородски.

Лейн застонала.

«Мы не обязаны открывать».

Коув посмотрел на нее.

На его лице медленно появилась улыбка.

Настоящая.

Опасная.

«О нет. Ты абсолютно обязана открыть».

Через пять минут она открыла входную дверь.

Женщины сразу замолчали.

Цветы.

Маффины.

Вопросы.

Осуждение.

Нежность.

Всё это ждало ее на веранде.

Одна из пожилых женщин шагнула вперед.

Серебристые волосы.

Голубые глаза.

Доброе лицо.

Она долго смотрела на Лейн.

Достаточно долго, чтобы улыбка исчезла из комнаты.

Потом тихо сказала:

«Ты так на нее похожа».

Никто не спросил, на кого.

Никому не нужно было спрашивать.

Дом вдруг стал очень маленьким.

И впервые с возвращения в Сибрук Лейн поняла: она была не единственным человеком, кто скучал по ее бабушке.

Глава 4. Все всё знают

Женщины пробыли два часа.

Целых два часа.

Лейн знала это точно, потому что начала засекаать время после первых двадцати минут.

На тридцать седьмой минуте она подумала, не притвориться ли, что дом горит.

На пятьдесят второй мельком решила, что, возможно, уплыть в Атлантику было бы проще.

На восемьдесят девятой приняла свою судьбу.

Сибрук ее забрал.

По крайней мере, временно.

Женщины представлялись одна за другой.

Большинство имен тут же вылетало из головы.

Не потому, что Лейн была грубой.

Просто их было слишком много.

Слишком много историй.

Слишком много вопросов.

Слишком много запеканок.

Одна женщина принесла маффины.

Другая цветы.

Третья домашний джем.

Четвертая каким-то образом принесла сочувствие и непрошенные советы почти в равных пропорциях.

Джун, библиотекарь, говорила меньше всех и при этом, кажется, замечала больше всех.

Это казалось опасным.

К тому моменту, когда входная дверь наконец закрылась, на обеденном столе лежали:

- маффины
- цветы
- джем
- две визитки
- приглашение в книжный клуб
- приглашение в церковь
- анкета волонтера
- эмоциональная атака, замаскированная под записку от руки

Твоя бабушка была бы счастлива, что ты здесь.

Без подписи.

Без объяснений.

Чистое насилие.

Лейн перевернула записку лицом вниз.

Записка всё равно продолжала осуждать.

Раздался один короткий стук.

И входная дверь снова открылась.

Коув вошел с поясом для инструментов.

Без колебаний.

С таким видом, будто имел право здесь быть.

Лейн указала на него пальцем.

«Ты меня бросил».

«Я работал».

«Ты оставил меня с восемью бабушками».

«Их было семь».

«Были эмоциональные дубликаты».

Появилась эта почти-улыбка.

Та самая, из-за которой Лейн хотелось спорить еще сильнее.

Коув посмотрел на стол.

Потом на цветы.

Потом на маффины.

Потом на джем.

«Ты им понравилась».

«Они меня удочерили».

«Почти одно и то же».

Лейн застонала.

Коув направился к кухне.

Она пошла следом.

В основном потому, что нужно было работать.

Отчасти потому, что игнорировать его становилось всё труднее.

Тот металлический стук, который они слышали раньше, оказался вовсе не оконной защелкой.

Протечка была за старой стеной в прачечной.

Через десять минут стена была вскрыта.

Через пятнадцать Лейн снова держала фонарик.

Снова.

Судя по всему, теперь это была ее официальная профессия.

Ассистент отдела ремонта Атлантического побережья.

«Левее».

Она подвинула свет вправо.

«В другую левую сторону».

Лейн сверкнула глазами.

«Тебе это нравится».

«Нет».

«Еще как нравится».

«Может быть, немного».

По крайней мере, он был честен.

Поврежденная труба оказалась не такой уж серьезной.

Поддавалась ремонту.

Всё, судя по всему, поддавалось ремонту.

Эта мысль задержалась.

Коув потянулся за гаечным ключом.

В тот же момент Лейн шагнула вперед.

Их руки столкнулись.
Ничего драматичного.
Никаких искр.
Никаких молний.
Никакого хора ангелов.
Просто кожа.
Теплая кожа.
Обычное случайное прикосновение.
И всё же они оба замерли на долю секунды.
Потом сразу продолжили, будто ничего не произошло.
Что, разумеется, делали абсолютно нормальные люди.
Очень нормальные.
Совсем не подозрительные.
У стены стоял старый шкафчик для хранения.
Пока Коув работал, Лейн открыла его.
Коробки.
Банки.
Краски.
Фотоальбомы.
Одна фотография выскользнула и упала к ее ногам.
Она подняла ее.
Фестиваль.
Лето.
Толпа.
Музыка.
Пирс.

Края фотографии выцвели.

Лейн рассмеялась.

«О боже».

«Что?»

Она подошла к нему.

На снимке была она сама в двенадцать лет, рядом с лимонным столиком.

Волосы в разные стороны.

Нет переднего зуба.

Сомнительные модные решения.

Вся трагедия подросткового возраста.

«Посмотри на меня».

Коув взял фотографию.

Его взгляд скользнул по снимку.

И остановился.

Что-то изменилось.

Узнавание.

Настоящее узнавание.

Не дома.

Не города.

Ее.

«Ты это помнишь?»

Вопрос вырвался раньше, чем она успела его остановить.

Коув снова посмотрел на фотографию.

Потом на нее.

«Да».

Лейн моргнула.

«Правда?»

«Я помню тот день».

«Что произошло?»

«Ты упала с пирса».

Она уставилась на него.

«Это случилось один раз».

«Два».

Лейн замерла.

Коув вернул ей фотографию.

Спокойный.

Уверенный.

Как человек, который действительно там был.

«Два?»

«Два».

«Я не помню второго раза».

«А я помню».

Какое-то время никто не говорил.

Между ними тихо что-то изменилось.

Не романтика.

Пока нет.

История.

И почему-то именно это выбило почву сильнее, чем сама фотография.

Потому что три года она верила, что оставила Сибрук позади.

А Сибрук, оказывается, хранил воспоминания, которые ей больше не принадлежали.

Снаружи хлопнула дверца машины.

Потом еще одна.

Коув взглянул в окно.

Его выражение изменилось.

«О».

Лейн сразу узнала неприятности.

«Что?»

Он подошел к окну.

Посмотрел наружу.

Потом вздохнул.

Не раздраженно.

Не весело.

Иначе.

С обреченностью.

«Тео».

«Тео это неприятности?»

«Нет».

Пауза была подозрительной.

«За Тео обычно следуют неприятности».

Это звучало правдоподобно.

Через минуту Тео появился с папкой.

Конечно, с папкой.

Этот человек выглядел так, будто родился уже с документами в руках.

«Хорошие новости».

В Сибруке никто не произносил эти слова спокойно.

Тео вошел.

Открыл папку.

Улыбнулся.

Лейн сразу не поверила этой улыбке.

«Что?»

«Покупатели повысили предложение».

Тишина.

Комната вдруг стала меньше.

У дома были покупатели.

Серьезные.

С более крупным предложением.

Всё двигалось ровно по плану.

Так почему у нее провалился живот?

Тео продолжал говорить.

Цифры.

Сроки.

Договоры.

Слова, которые должны были ее обрадовать.

В другом конце комнаты Коув молчал.

Совершенно молчал.

Он просто сосредоточился на трубе.

На гаечном ключе.

На ремонте.

На стене.

На чем угодно, кроме нее.

Лейн это заметила.

И, к сожалению, теперь уже не могла развидеть.

Она посмотрела на Тео.

Потом на Коува.

Потом снова на Тео.

В комнате осела странная тяжесть.

Наконец Тео закрыл папку.

«Это большие деньги».

«Да».

«Ты должна радоваться».

Слова попали точно.

Должна.

Не хотела.

Не была счастлива.

Должна.

Кажется, Тео это заметил.

Впервые он выглядел не как риелтор, а как друг.

«Ты в порядке?»

Лейн открыла рот.

Потом закрыла.

Потому что не знала.

Именно это и было проблемой.

Она не знала.

После ухода Тео дом наполнился тишиной.

Снаружи волны катились к берегу.

Внутри Коув закончил затягивать последнее соединение.

Потом встал.

«Готово».

Лейн кивнула.

Никто не двинулся.

Комната казалась странно тесной, хотя в ней было всего двое.

Наконец она заговорила.

«Сколько вы были вместе?»

Вопрос удивил их обоих.

Коув не спросил, кого она имеет в виду.

Он понял.

«Женщина из гавани».

Долгая пауза.

Потом:

«Достаточно долго».

Больше ничего.

Ни объяснений.

Ни истории.

Всего два слова.

Достаточно долго.

Ответ тяжело опустился между ними.

Лейн первой отвела взгляд.

Снова.

Снаружи океан блестел под дневным солнцем.

Внутри дом тихо скрипнул вокруг них.

Словно слушал.

Словно ждал.

И впервые с возвращения в Сибрук Лейн начала подозревать, что главная проблема вовсе не в продаже дома.

Главная проблема была в том, что уехать больше не казалось простым.

Глава 5. Почти свидание

Следующее утро началось с краски.

По мнению Коува, это было нормально.

По мнению Лейн, это было доказательством того, что цивилизация потерпела поражение.

«Ты хочешь, чтобы я красила веранду».

Коув протянул ей кисть.

«Обычно покраска так и работает».

«У меня диплом магистра».

«Поздравляю».

Лейн уставилась на него.

Он уставился в ответ.

Совершенно невозмутимый.

«Ты невозможен».

«Ты уже это говорила».

«И каждый день ты предоставляешь свежие доказательства».

Веранда огибала дом спереди и выходила к океану.

Утреннее солнце прогревало доски.

Запах соли смешивался со свежей краской.

Впервые с ее приезда дом выглядел менее заброшенным.

И это становилось проблемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.